

Глава 39: Безумная в больнице (3): Кровавый камень

«Маленький Ган...»

Притягательный мужской голос раздался издалека. Цзы Мэй повернула голову и её сердце пропустило удар.

Перед ней предстал высокий стройный мужчина: он был коротко подстрижен; у него был длинный нос, глубокие глаза, и губы, которые не улыбались. Он носил синий костюм и был точной копией того Минь Гана, которого Ян Цзы Мэй когда-то тайно любила.

«Пап...»

Минь Ган с заплаканными глазами попытался найти утешение в объятиях отца. Он повис на его поясе и заплакал.

«Мама, мама... Она совсем плоха, что делать? Я хочу вернуть маму...»

Так это был отец Минь Гана Минь Цин Хуа в свои молодые годы. Не удивительно, что он выглядел, как Минь Ган из её прошлой жизни.

Минь Цин Хуа подхватил своего сына, достал клетчатый платок из своего кармана, вытер его слёзы и сказал: «Сынок, не плачь, маме скоро станет лучше».

Он держал Минь Гана и смотрел на то, как болезнь исказила прекрасное лицо его жены, отчего его сердце буквально разрывалось на части.

Он не мог понять, как так случилось, что его подобная цветущей орхидее жена сошла с ума всего за одну ночь, – это было похоже на проклятие. Она стала вести себя неадекватно и даже начала бросаться на людей.

«Хнык-хнык! Папа, я хочу, чтобы маме полегчало, хнык-хнык, я хочу, чтобы маме стало легче как можно быстрее», - продолжал сопеть Минь Ган.

«У меня есть способ вылечить её», - голос Ян Цзы Мэй раздался со стороны.

Минь Цин Хуа наконец-то заметил, что в палате были еще люди: юноша, одетый во всё чёрное, с невероятно красивым, но холодным лицом; и маленькая девочка, ровесница его собственного сына.

Эти слова исходили от маленькой девочки.

Смотря на отца Минь Гана, она видела перед собой его точную копию из своего прошлого, и это немного путало её. Она сильно смущалась, и её язык с трудом ей повиновался: «Она... Она... подвер... подвержена... воздействию дурной... энергии... Вот... по... почему всё так».

Минь Цин Хуа слегка нахмурил брови.

Он был противником всякого потустороннего и отрицал подобные явления.

Что ещё более обидно: эти слова исходили от маленькой девочки.

Цзы Мэй заметила, что её словам не придали никакого значения, и она не знала, что ещё добавить.

Она всё ещё была той женщиной из прошлого, у которой остались чувства к образу повзрослевшего Минь Гана. Напротив него она была чересчур смущена, а её сознание пребывало в полном беспорядке.

В этот момент зазвонил телефон Минь Цин Хуа, он нахмурил свои брови и сказал: «Отец, ты же не веришь в такую чушь как проклятия. Услуги какого ещё даоса ты пытаешься найти? Ты просто выставишь нас посмешищем перед всем миром. Спасибо, но нет!»

С другой стороны провода продолжали что-то говорить.

Цин Хуа не хотел подчиняться, но мог только сказать: «Это будет на твоей совести», - и повесил трубку.

Эффект от усыпляющих лекарств вдруг прошёл. Хуан Цзин Сянь открыла глаза и повернула свою голову. Её руки и ноги были крепко связаны - всё, что она могла, — это закричать...

Минь Ган был напуган до слёз.

Видя свою жену в таком состоянии, Минь Цин Хуа больно стукнулся головой о стену.

Через некоторое время силы Цзин Сянь иссякли, и она успокоилась. Хотя её глаза были открытыми, в них не было искорки жизни, как если бы эти глаза принадлежали кукле.